

А.И. Жиленков

СМЕНА ЭСТЕТИЧЕСКИХ ЭПОХ В ТВОРЧЕСТВЕ Г.С. СКОВОРОДЫ И ИОАСАФА (ГОРЛЕНКО), ЕПИСКОПА БЕЛГОРОДСКОГО

Нет, ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро,
Будешь проклято вовек, ввек удивленьем всех.
О незабвенно столетье! Радостным смертным даруешь
Истину, вольность и свет, ясно созвездье вовек!

А.Н. Радищев «Осьмнадцатое столетие»

Сопоставление имен народного мыслителя Г.С. Сковороды и ортодоксального иерарха Иоасафа (Горленко), епископа Белгородского может показаться искусственным, если иметь в виду лишь их социальное положение. Анализ биографий, мировоззрения, творческого наследия обнаруживает их глубочайшую общность, основанную прежде всего на исповедовавшейся ими православной вере. Жизнь и деятельность обоих приходится на XVIII «столетье безумно и мудро», которое в искусстве и литературе знаменует завершение исторического Средневековья и начавшееся Новое время.

Г.С. Сковорода (1722-1794) и Иоасаф (Горленко) (1705-1754) были современниками. Просвещая народ Украины и Слобожанщины, «Сковорода был для своего времени человеком энциклопедически образованным... В своей деятельности как философ, поэт и сатирик Сковорода связан с русским просветительством XVIII в. Однако в своем постоянном "искании истины", в философском развитии Сковорода шел своеобразным путем» [2, с. 116].

Иоасаф – видный церковный деятель. Родился на Украине, в городе Прилуки Полтавской губернии, в казацкой семье. Учился в Киево-Могилянской духовной академии, в 1725 году принял монашеский постриг. Был настоятелем Мгарского Спасо-Преображенского монастыря в Полтавской губернии и наместником Троице-Сергиевой лавры. С 1748 года – епископ Белгородский и Обоянский. Признан выдающимся просветителем своего времени, распространял в народе грамотность, уделяя большое внимание работе учебных заведений и делая церкви центром просвещения и воспитания. В их судьбах можно усмотреть много общего, это и, конечно, время жизни – XVIII столетие; и место рождения – Малороссия; и происхождение – Иоасаф из знатного казацкого рода Горленко; Г.С. Сковорода – из простых казаков; и образование – Киево-Могилянская академия; и педагогическое поприще – еще до окончания академии Иоасаф был назначен там же преподавателем словесности; а Сковорода преподавал в Харьковском коллегиуме; и место святительского подвига Иоасафа и просветительской деятельности Г.С. Сковороды – Слободская Украина (Слобожанщина), учрежденная в 1765 г. по указу императрицы Екатерины II из вольных слободских полков в Слободскую Украинскую губернию Российской империи, переименованную позднее в Харьковское Наместничество. Во время исполнения учительской должности с

1759 по 1769 гг. в Харьковском коллегиуме Сковорода не мог лично быть знакомым с Иоасафом, умершим в 1754 г., хотя мог слышать о нем, потому что коллегиум как духовное учебное заведение в то время находился в подчинении Белгородского епископа.

В творческом наследии святителя Иоасафа и Г.С. Сковороды присутствуют произведения, близкие как по форме, так и по содержанию: «Брань честных семи добродетелей с семью грехами смертными, происходящая в человеке-путнике всегда, особенно в дни Святой Великой Четырехдесятницы, описанная по порядку ее седмиц поэтическим образом и ритмом» (1737) [4] Иоасафа и «Брань архистратига Михаила с Сатанюю о сем: легко ли быть благим» (1783) Г.С. Сковороды [5]. Создание произведений разделено хронологически почти полувеком, тем не менее, они принадлежат одной эпохе - Средневековью, одной традиционалистской поэтике. Драматизация эпоса рассматривается с точки зрения исторической поэтики, исследующей художественное мышление в перспективе смены эстетических эпох и творческих систем, а XVIII век – как переходный от поэтики традиционалистской (эйдетической) к поэтике антитрадиционалистской (художественной модальности). Фактор переходности во многом объясняет художественные феномены, отмеченные печатью синтеза, родовых и жанровых форм, стилей, идей и проявляется на различных уровнях творчества – субъективной сфере, словесной образности, сюжетостроения, жанрообразования.

В данном исследовании драматизированный эпос представляет интерес не столько как исторический источник, сколько как явление, в котором нашло отражение религиозно-философское мировоззрение, церковное сознание, специфическое эстетическое видение своей жизни, детерминированное психологией эпохи. «Брани...» Иоасафа и Сковороды – типичные образцы клерикальной словесности. Их идейный смысл характерен для древнерусской книжности – выражает извечный выбор человека между добром и злом. Неслучайно оба писателя в заглавиях прибегают к одному слову «брань» (по-древнерусски «война», «битва», позднее сопрягалось с понятием «спор», «диалог»), В «Брани...» Иоасафа изображена борьба человека с пороками и то, как он из-за «самонадеянности делается достоянием страстей и спасается от них только верой в Бога»; в произведении добродетели и пороки персонифицированы и абстрактный человек оказывается свидетелем их борьбы.

Участниками «Брани...» Сковороды являются ратный начальник ангелов - архангел Михаил и их противник Сатана. «Сего убо ради сия книжечка изводит на поднебесный позор два сердца: – ангелское и сатанское, борющиеся между собою. Сие два царства в каждом человеке деют вечную борьбу». «Библейские образы, по мнению Сковороды, это только символы и аллегории, под которыми скрыты попытки понять законы природы» [2, с. 117].

Переходность обоих произведений заключается в наличии как черт традиционалистских, от прежней поэтики, так и антитрадиционалистских, от

новой поэтики. В произведениях обнаруживаются типологические признаки средневековой литературы – традиционализм, прикладной характер, этикетность, формульный стиль. Феномен драматизации эпоса нельзя однозначно отнести либо к старому искусству, либо к новому. Идея борьбы сил добра и зла за человека в XVIII веке актуализирует в эпосе драматическую форму. Эпическое повествование как бы взрывается сюжетной конфликтностью, напряженной интригой, динамикой действия и, главное, в духе века Просвещения – вниманием к самому человеку, хоть и еще по-клерикальному типизированному, но уже ожившему в борьбе антагонистических страстей. Очевидно, что эпические произведения как Иоасафа, так и Сковороды носят переходный характер, и драматизация определенно указывает на эту переходность. В ней скрещиваются эстетические эпохи. «Брани...» нацелены на развитие благочестия, что сразу же указывает на их прикладной характер, который выражается в дидактическом разъяснении догмата о всеблагой воле Господа и зловредности Сатаны, спасительности для человека веры в Бога.

Так, произведение Иоасафа было торжественно прочитано на Пасху 1737 года, когда он служил преподавателем и экзаменатором Киевской Духовной академии, иеромонахом, в качестве приветственного слова в стихах собственного сочинения прибывшему в Киев новому правящему архиерею – архиепископу Рафаилу (Заборовскому). Написано произведение на церковно-славянском языке. Рукописный текст «Брани...» иеромонах Иоасаф подарил архиепископу Рафаилу. («Брань...» неоднократно переписывалась. Список, хранившийся в Церковно-археологическом музее Киевской Духовной академии, стал источником для первой публикации «Брани...» в 1892 году. Современный поэтический перевод на русский язык был сделан преподавателем Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью), клириком Николо-Иоасафовского собора Белгорода протоиереем Игорем Кобелевым. Книга, содержащая вступительные статьи, церковно-славянский текст поэмы и ее современный поэтический перевод, была выпущена в свет в октябре 2002 года).

Другой типологический признак средневековой литературы – традиционализм – проявляется в ориентированности авторов на образцы предшествовавшей словесности, общим для которых был эпический жанр – в эпическое повествование от лица автора включались драматизированные элементы, часто в виде диалогов. Композиция иоасафовской «Брани...» выстроена в виде глав, приуроченных к семи седмицам Великого поста и отдельным эпизодам из литургии.

Традиционно в это время Церковь, приуготовив верующих к подвигам поста и покаяния, вводит их в самый подвиг. Богослужения Великого поста как и богослужения подготовительных к нему недель, постоянно побуждая к посту и покаянию, изображает состояние души, кающейся и плачущей о своих грехах. Этому соответствует внешний образ совершения великопостных богослужений: в седмичные дни Великого поста, исключая субботы и воскресения, Церковь не

совершает полной литургии. По средам и пятницам служится литургия Преждеосвященных Даров. Состав других церковных служб изменяется сообразно с временем. В седмичные дни почти прекращается пение, предпочитается чтение из Ветхозаветных писаний, особенно Псалтири. Во все церковные службы вводится молитва святого Ефрема Сирина с великими поклонами. Святая Четыредесятница и ее богослужения начинаются с вечерни Недели сыропустной. Каждой седмице Великого поста предъявляются особые требования, которые учитывались и при создании композиции «Брани...» Иоасафа. Сюжет выстраивается как чередование седмиц Поста. Конфликт между добром и злом определяет развитие сюжета, кульминация которого приурочена к светлому Христову Воскресению. И это необходимо определить в качестве внелитературных традиционных пластов.

«Брань...» Иоасафа – одно из немногих произведений мировой литературы, в котором композиция определяется хронологией обряда литургии, сопровождаемой цитированием Святого Писания, и указанием на временные этапы отправления культа: «Глава 2. Неделя о мытаре и фарисее... Апокалипсис, 4 глава»; «Вечер понедельника 1-й седмицы Св. поста. Поклоны...», «Суббота 1-ы седмицы, в которую почитается память св. Феодора Гирона» и т.п. А вот средневековый жанр «видений» с сильным эпическим началом и ренессансный жанр «моралите» с определяющим для него драматическим фактором могут быть названы в качестве главных литературных источников иоасафовской «Брани...». И все же при сохранении традиционалистских черт рассматриваемых произведений в них оказывается разрушенным важнейший принцип средневековой поэтики - анонимность.

У Иоасафа произведению предпосланы, во-первых, прозаическое обращение автора к архиепископу Рафаилу, хотя и выдержанное в этикетном смиренном тоне, но дается с прямым указанием на личное авторство, и, во-вторых, стихотворное обращение «К читателю» в форме акростиха, в котором начальные буквы шести- и восьмистиший образовывали собственно имя автора - Иоасаф Горленко.

Обращение «К читателю» типично для светской просветительской литературы XVIII века. По правилам древнерусской книжности автор излагал свое сочинение в устной форме, читая его слушателю, а наличие же данного обращения нацеливало на слово письменное, литературное. Иоасафовская «Брань...» дополнялась в финале еще и обращением «К читателю стихами окончательными», в котором подводился содержательный итог сочинения и «поучение» таким образом завершалось.

Сковорода подписывал свою «Брань...» как «старец Даниил Варсава», что не случайно, ибо Варсава с древнееврейского языка значит «сын Саввы» – настоящее отчество Сковороды (Варсава упоминается в книге деяний апостольских как один из семидесяти апостолов, а Даниил – «судья Божий», то есть открывающий от лица Бога волю Его – четвертый из больших пророков). Псевдоним прямо указывал на связь с Библией. Ветхозаветный источник

имянаречения отнюдь не камуфлировал подлинное авторство писателя, но с опорой на авторитет Ветхого Завета подчеркивал и указывал на него. Традиционализм, как уже было отмечено, проявляется в ориентире авторов на образцы предшествовавшей словесности. Несомненно, «Брань...» Сковороды испытала влияние драматизированных диалогов украинских писателей XVII века, но все же в ней своеобразно подчеркнута философичность, а место действия указано максимально обобщенно – «поднебесье», «атмосфера», «радуга», так же как и время действия – довольно неопределенно – «вечер», «ночь», «рассвет». Философскими диалоги Сковороды делают их тематика, проблематика, сам предмет «Брани...» – «легко ли быть благим» (древнерусское «благий» – добрый, хороший, святой). «В области этических взглядов Сковорода придерживался той мысли, что целью человеческой жизни является счастье. Оно заключается в душевном покое и сердечной веселости» [2, с. 117].

Диалоги были известны в Малороссии XVII века и использовались для оформления драматических жанров, в которых действующие лица не просто декларировали свои стихотворные или прозаические партии, а представляли определенных персонажей. Среди них выступали герои христианской истории, а так же аллегорические фигуры. К драматическим произведениям такого рода относились «Вирши из трагедии «Христос пасхон» Андрея Скульского» (Львов, 1630) и «Размышления о муке Христа» Иоанния Волковича (Львов, 1931). Диалоги становятся основой жанровых форм мистерий (пьес на рождественские и пасхальные сюжеты) и миракли (пьес на сюжеты из жизни святых).

Мистерии представлены, например, «Словом о разорении ада» (I пол. XVII века), «Действием на страсти Христовы» (80-е годы XVII века), «Царством природы людской» (1693 г.). «Слово...» разрабатывало сюжет из апокрифического «Никодимова евангелия», о том, как Христос разоряет ад и освобождает души праотцев. Место действия представлено в виде средневекового замка. Персонажи – Христос, Богородица, Иоанн Креститель, Соломон Премудрый, Ад, Люцифер и др. – наделены некоторыми индивидуальными и локальными штрихами, выявляют человеческие «заземленные» эмоции. В обрисовке места действия и персонажей, а так же в языке и стихе проступают фольклорные элементы.

Картина «Брани...» приходит к Сковороде в типичной средневековой форме «видения» и выстраивается в своеобразный «философский» диспут или «мировоззренческий» диалог. «В недрах поэтических откровений были заключены его... философские прозрения и формы его жизненного поведения» [1, с. 445]. Несомненно, и в этом проявляется незаурядная образованность автора, его знание мировой культуры, литературы, так как жанр диалога был известен еще в древней Греции. Именно в этой форме вел беседы с гражданами Афин Сократ, на которого часто ссылается Сковорода, а образ жизни Сократа и мудрствования были ему также весьма близки. Ученик Сократа Платон придал устным беседам литературную форму диалогов, а самого учителя сделал главным героем.

Спор в «Брани...» Сковороды начинается с провокационного заявления Сатаны, который утверждает как новый догмат: «Претрудно быть жителем небесным». Михаил отвечает: «Се ключ, всем врата ада отверзающий. Се соблазн всем путь на небеса оскорбляющий!». Словопрения завершаются поражением архангелом Михаилом самого сердца Сатаны «молниевидным копьем» и повержением его в «облак вечерний». Далее «Брань...» трансформируется в богословское рассуждение на ранее обозначенную тему; и драматизированная диалогичность вносится во внутрь рассуждения. Архангел Михаил обращается к «небесным архивоинам», восседающим на радуге, Гавриилу, Рафаилу, Урииму и Варахиилу, ведет с ними «беседу ангельскую» о сердце человеческом, как «неограниченной бездне», засеянной семенами злых дел, «семенами сатаны»; приводит притчу о «Львиной ограде» сатанинской, в которую уловляются души «убоявшихся человекоубийцу». О «Пути спасительном» благовествует Гавриил, называя «другом нашим» Даниила Варсаву, то есть самого Сковороду.

О «Пути мира, нареченным пустым» предупреждает Рафаил, приводя в качестве примеров: 1) «Песнь богача», так что даже «ангельские силы ужаснулись, видящее», сколь хитро растлил сатана «сию душу, обожающую мертвое и уповающую на кумира», а затем и 2) «Песнь молящихся лицемеров», вся молитва которых «в том, чтоб роптать на Бога и просить леностей». Архангел Варахиил возопил: «... смрад содомский восходит от сего пути», ангелы же подтвердили песней, что никто «не будет сыт плотским дух», ибо «бездна бездну призывает». Воспевши же спросили: «Что есть «клевета», «кознь», на чем основано «адское царство», и так же ответствовали: «На зле сатанинском». Затем же обратившись к господину Богу в молитве всерадостно восклицали: «Да будет новый свет!» и «Обновление мира», – воспели в песнях духовных «Песнь победную». Увидевши славное царство и святую землю, утвердили: «Легко быть благим».

Таким образом, «Брани...» Иоасафа и Г.С. Сковороды, так же как и все их творчество, носят переходный характер – от поэтики Средневековья к Новому времени, отражают смену эстетических эпох. Драматизация эпоса – одна из черт переходности, впрочем, представлена в рассматриваемых произведениях по-разному: у Иоасафа она объективизирована по сюжету в действиях аллегорических фигур, а у Сковороды она входит как бы внутрь логики философского диалога и определяет его напряженное развитие. Драматизация эпоса становится средством актуализации в литературе XVIII века идеи человека и борьбы сил добра и зла за его сердце и душу.

Литература

1. Абрамов А.И. Сковорода / А.И. Абрамов. Русская философия: Словарь. - М.: Республика, 1995. - 655 с.
2. История украинской литературы: в 2 т. - Киев: АН УССР, 1954. - Т. 1. Дооктябрьская литература. - 759 с.

3. Литература о жизни и деятельности свт. Иоасафа // Житие, служба, акафист святителю Иоасафа, епископу Белгородскому, Чудотворцу [Сост. сп. лит. - А.Н. Крупенков, И.В. Медведева]. - Белгород: Белгородская и Старооскольская епархия, 2005. - С. 146-188.
4. Литературные памятники Белгородчины. Антология. - Белгород: Белгородская областная типография, 2008. - 564 с.
5. Сковорода Г.С. Полное собрание сочинений: в 2-х тт. - Киев: Наукова Думка, 1973.

Аннотация

Жиленков А.И. Смена эстетических эпох в творчестве Г.С. Сковороды и Иоасафа (Горленко), епископа Белгородского.

В данной статье предлагается компаративный анализ творчества Г.С. Сковороды и Иоасафа (Горленко), епископа Белгородского, сквозь призму переходного характера эпохи – от средневековой поэтики к поэтике Нового времени. Предметом исследования являются произведения названных авторов в жанре клерикальной литературы – «словопрений» или «браней». Отмечается следование авторами устоявшейся традиции, а также преодоление ее под влиянием новой эстетической системы.

Ключевые слова: драматизированный эпос, традиционализм, жанр, поэтика, автор, рецепция.

Анотація

Жиленков О.І. Зміна естетичних епох у творчості Г.С. Сковороди і Йоасафа (Горленко), єпископа Белгородського.

У даній статті пропонується компаративний аналіз творчості Г.С. Сковороди і Йоасафа (Горленко), єпископа Белгородського, крізь призму перехідного характеру епохи – від середньовічної поетики до поетики Нового часу. Предметом дослідження є твори авторів у жанрі церковної літератури – "слова" або "bran". Відмічається наслідування авторами традиції, що встановилася, а також подолання її під впливом нової естетичної системи.

Ключові слова: драматизований епос, традиціоналізм, жанр, поетика, автор, рецепція.

Summary

Zhilentov A.I. Change of aesthetic epochs in the works of G.S. Skovoroda and Joasaph (Gorlenko), Bishop of Belgorod.

This article offers a comparative analysis of the works by G.S. Skovoroda and Joasaph (Gorlenko), Bishop of Belgorod, through the prism of the epoch's transitional aspect - from medieval poetics to the poetics of the new era. Under study are the authors' works in the genre of ecclesiastical literature - "words" or "brani". Of note is

the authors' inheritance of the established tradition, as well as their deviation from it under the influence of a new aesthetic system.

Key words: dramatized epic, traditionalism, genre, poetics, author, reception.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати д.ф.н., проф.
Е.А. Андрущенко